

Фан-Юнг Герман Юрьевич

канд. ист. наук, канд. ист. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Поволжский государственный университет

физической культуры, спорта и туризма»

г. Казань, Республика Татарстан

**ИТОГИ РАЗВИТИЯ ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ СФЕРЫ
БЕРЕЗНИКОВСКОГО СОДОВОГО ЗАВОДА РОССИЙСКО-
БЕЛЬГИЙСКОГО АКЦИОНЕРНОГО ОБЩЕСТВА «ЛЮБИМОВ,
СОЛЬВЭ И КО»: КРАТКИЙ ОБЗОР**

Аннотация: в статье автор попытался подвести итоги развития производственной сферы Березниковского содового завода российско-бельгийского акционерного общества «Любимов, Сольвэ и Ко» на момент его национализации в конце 1918 г.. В результате даже самого поверхностного анализа состояния производства, произведённого с опорой на материалы из некоторых опубликованных и неопубликованных источников, поставлен под сомнение тезис о якобы «упадке» и «разрухе», возникших на предприятиях отечественной химической отрасли под влиянием т.н. «империалистической» войны.

Ключевые слова: российская химическая промышленность, годы Первой мировой войны, Березниковский содовый завод, производство каустической соды, производство кальцинированной соды, промышленное развитие Пермской губернии.

Не вызывает сомнения, что любая затянувшаяся война второй половины XIX – первой половины XX в. представляла собой череду кризисных явлений, который можно рассматривать и как один большой кризис. Характерными чертами указанного военного кризиса, как свидетельствует исторический опыт, например, выступали: сокращение производства товаров массового потребления, объяснимое переориентированием значительной части производств на выпуск военной продукции, повышенная загруженность транспорта, используемого для военных перевозок; закрытие товарных и фондовых бирж, что оказывало

исключительно негативное влияние на рыночную экономику, способствуя переходу к т.н. «государственному капитализму». В свою очередь, «государственный капитализм» подразумевал, во-первых, что основным заказчиком, потребителем и работодателем становилось государство. Это означало, к примеру, что значительная часть хозяйствующих субъектов начинала конкурировать между собой не за массового потребителя, но за те или иные государственные заказы. Таким образом, вместо «чистой» (рыночной) конкуренции возникла конкуренция монополистическая. Во-вторых, устанавливалось централизованное планирование, нормирование и распределение не только военных заказов, но даже предметов первой необходимости и продуктов питания, осуществлявшееся через экстраординарные органы государственного управления. Одной из мер, часто применявшихся в воюющих державах, было введение т.н. «твёрдых цен» на зерновую сельскохозяйственную продукцию: «надо было ввести твёрдые цены на хлеб, и зерно стало исчезать с рынков» [1, с. 1]. Проще говоря, неизбежным следствием директивного планирования являлся нарастающий, затем, тотальный дефицит товаров повседневного спроса. В-третьих, закономерным «спутником» войны и порождённого ею «централизованного планирования» выступала инфляция. М.И. Туган-Барановский зафиксировал, что к 1916 г. «количество денег, обращающихся в России, уже теперь увеличилось в четыре раза. Это не может не привести к соответствующему повышению товарных цен» [2, с. 145].

Во время Первой мировой войны нарушилась не только мировая торговля, но и естественный торговый баланс у большинства континентальных воюющих держав, включая Россию. Экспорт отечественных товаров был затруднён и резко сократился, а импорт стремительно вырос [2, с. 149]. И в России, и во всех прочих крупных странах-участницах указанного вооружённого конфликта, был зафиксирован невиданный рост химической промышленности. Ибо, самым грозным, в указанную эпоху, оружием войны была экономика страны, «...её хозяйственная устойчивость, ..., возможность продержаться и устоять в условиях хозяйственной блокады ..., в условиях изоляции ...» [3, с. 15]. В индустриаль-

ную эпоху без развития химии было невозможно не только развитие военной промышленности, но и, как продемонстрировал опыт Германии, обеспечение населения продовольственными товарами. За несколько лет до начала Великой войны германские химики Вальтер Нернст и Фриц Габер разработали технологию получения аммиака из азота и водорода. Что позволило избежать дефицита данного вещества в условиях военно-морской блокады, парализовавшей германскую внешнюю торговлю. Необходимо уточнить, что помимо производства соды и применения в качестве растворителя, аммиак применялся для производства азотных удобрений и взрывчатых веществ. В итоге, «ко времени перемирия Германия уже почти полностью удовлетворяла свои потребности в азотистых соединениях, и в силу её самообеспечиваемости ... мировая война превратилась в затяжную окопную бойню» [4, с. 26–27].

Вопреки многочисленным мифологемам советской эпохи, как о, якобы, «отсталой» и «лапотной» России, вступившей в «неравную» борьбу с высоко развитой Германской империей, так и о «примитивном» уровне развития российской химической промышленности, представлявшей собой, по словам пропагандистов, «... не только полукOLONиальный отросток мировой химической промышленности, но и задворки дореволюционного российского хозяйства» [3, с. 25], Россия продемонстрировала нечто противоположное. Так, в 1915 г. было построено несколько десятков новых химических производств, благодаря чему весной 1916 г. выпуск только серной кислоты в полтора раза превысил объём ее производства в благополучном и мирном 1913 г. Выпуск сырого бензола был увеличен втрое. В течение следующих двух лет было введено в эксплуатацию сорок новых бензольных заводов. В Донбассе, менее чем за один год, был возведён и вступил в строй первый в стране завод по производству контактной азотной кислоты. Уже «за второе военное полугодие ежемесячный выпуск взрывчатых веществ возрос более чем десятикратно. К началу революции в стране имелся огромный запас взрывчатых веществ в виде снарядов (миллионы снарядов), так и в незаряженном виде (тысячи тонн)» [5, с. 13]. Иными словами, русская мирная химическая промышленность, как и

в любой другой воюющей стране, «... с предельной быстротой и лёгкостью, буквально в 24 часа, перестроилась для обслуживания потребностей войны» [3, с. 15]. Более того, русская химическая промышленность освоила, во-первых, выпуск боевых отравляющих веществ (хлор, фосген, хлорпикрин, цианиды и пр.); во-вторых, за период участия России в Первой мировой войне «... на фронт было поставлено более пятнадцати миллионов фронтовых противогазов трёх типов (Зелинского, Авалова и Прокофьева)» [5, с. 13–14]. Приведённые факты, в общих чертах, опровергают мифологемы об отсталости российской химической отрасли, ибо, только за счёт собственных производственных мощностей «... Россия оказалась почти полностью обеспеченной своими собственными химическими продуктами военного назначения» [5, с. 14]. Таким образом, химическая промышленность России, в целом, не была «отсталой», соответствуя потребностям экономики военного времени в период Первой мировой войны.

Прямые свидетельства отсутствия некоего «упадка» и «разрухи», спровоцированных, якобы, некоей «империалистической» войной, содержатся в уцелевших неопубликованных источниках, отложившихся в различных архивах. Например, в фонде Р-1035 Государственного архива Пермского края имеется дело о национализации Березниковского содового завода, одного из наиболее значимых оборонных предприятий указанной эпохи, датированное августом – октябрём 1918 г. Накануне национализации, осуществлённой в октябре 1918 г., 09 августа того же года был составлен акт обследования и оценки указанного предприятия. В ходе обследования, произведённого в присутствии последнего директора Н.А. Ребиндера, членами комиссии установлено, что заводское оборудование и все строения оценены на сумму 4.622.306 руб. 16 коп. Все аппараты, механизмы и агрегаты находятся в исправном состоянии, бухгалтерская и прочая делопроизводственная документация завода «в полном порядке», электростанция работает исправно, а в кассе предприятия имелись «... четыреста тысяч двести девять рублей семь коп». На складах предприятия оставалось соды каустической 8.122 пуд. и 19 ф. и соды кальцинированной 2.187 пуд. и 28 ф.

В целом, завод «в стадии полного ремонта», но «через 5–6 дней ... будет пущен» [6, л. 26 (об.)]. Единственный существенный недостаток – рабочие недовольны размером ежегодных «наградных» денег за 1917 г., поглощённых военной инфляцией.

Итак, на основании изложенного следует считать, во-первых, мифологемы о «недостаточном развитии» отечественной химической промышленности в годы Первой мировой войны не соответствующими действительности. Во-вторых, реальный упадок, и последовавшая за ним национализация, были закономерными следствиями не «империалистической» войны, но внутривойсковых событий 1917–1918 гг.

Список литературы

1. Промышленная Россия. – 1916. – №14–15. – 30 сентября (14 октября).
2. Туган-Барановский М.И. Бумажные деньги и металл / М.И. Туган-Барановский. – Петроград: Изд-е юрид. кн.склада «Право», 1917. – 169 с.
3. Химическая промышленность СССР (основные итоги и перспективы развития). – В 2 т.– Т. 1. – М.; Л.: Гос. изд-во стандартизации и рационализации, 1933. – 290 с.
4. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / Д. Белл., пер. с англ. – 2-е изд., испр.и доп. – М.: Academia, 2004. – 788 с. EDN QOCVVP
5. Локтев С.М. Академик Ипатьев – химик нового века / С.М. Локтев // Химия: подписная научно-популярная серия. – №12. – М.: Знание, 1991. – 32 с.
6. ГАПК. – Ф. Р-1035. – Оп. 3. – Д. 1.